

**«МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ
И НРАВСТВЕННЫЕ СКИТАЛЬЧЕСТВА»:
АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ И ИЗМЕНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ
ТОПОГРАФИИ МОСКВЫ¹**

РОБЕРТ ВИТТАКЕР

Городской университет Нью-Йорка

**ПУБЛИКАЦИЯ А.О. СЕРЕДИНОЙ*,
ПЕРЕВОД А.О. СЕРЕДИНОЙ*, О.В. САПУНОВОЙ****

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

**Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН*

***Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Аннотация: В статье впервые показываются заслуги Ап. Григорьева, который в своих воспоминаниях «Мои литературные и нравственные скитальчества» отразил изменение в культурной топографии Москвы. На эти изменения, заключающиеся в упадке дворянства и расцвете купечества, обратил внимание

¹ Подготовка публикации и перевод выполнены А.О. Серединой в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01432). Роберт Тирон Виттакер (1940–2016) – известный американский русист, работавший в Городском университете Нью-Йорка (Lehman College и CUNY School of Professional Studies). Статья Р. Виттакера была впервые опубликована на английском языке в журнале «Slavic Review» (*Whittaker R. «My Literary and Moral Wanderings»: Apollon Grigor'ev and the Changing Cultural Topography of Moscow // Slavic Review. Vol. 42. № 3. 1983. Pp. 390–407*). Переводчики выражают благодарность Е.М. Салмановой, супруге покойного Р. Виттакера, за разрешение опубликовать перевод статьи.

The present article by R. Whittaker was translated in the A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS at the expense of the Russian Science Foundation (RSF, the project № 17–18–01432). Robert Tyron Whittaker (1940–2016) was a well-known American specialist in Russian literature. He worked at the City University of New York (Lehman College and CUNY School of Professional Studies). The article was first published in English in «Slavic Review» journal (*Whittaker R. «My Literary and Moral Wanderings»: Apollon Grigor'ev and the Changing Cultural Topography of Moscow // Slavic Review. Vol. 42. № 3. 1983. Pp. 390–407*). The translators are grateful to E.M. Salmanova, widow of late Whittaker, for her kind permission to publish this translation.

еще в 1835 году А.С. Пушкин. Однако в русской литературе и в 1860-е годы продолжал господствовать утвержденный Грибоедовым образ «фамусовской», барской Москвы. Ап. Григорьев, которому претила претенциозность аристократов, и в воспоминаниях, писавшихся в 1862–1864 годах, и в своих более ранних критических статьях показывал возрастающую роль купеческого, промышленного сословия, которое благодаря ему было включено в почвенническое понимание «народа». Отражая социальный сдвиг в московской жизни, Григорьев внес изменения и в литературный образ культурной топографии Москвы. Вместо Тверской улицы, где жили аристократы, писателем была показана в мемуарах южная часть города – Замоскворечье, которое населяли, по преимуществу, купцы. Кроме того, Ап. Григорьев ввел в русскую литературу новую панораму города со стороны кремлевской стены, также открывающую вид на Замоскворечье. Побуждением к описанию новой топографии Москвы послужила полемика с журналом «Современник», в частности, появление в этом журнале воспоминаний И.И. Панаева, умаляющих культурное значение древней российской столицы².

Ключевые слова: Аполлон Григорьев, мемуары, воспоминания, почвенничество, культурная топография города, урбанизм, московский текст.

**«MY LITERARY AND MORAL WANDERINGS»:
APOLLON GRIGOR'EV AND THE CHANGING CULTURAL TOPOGRAPHY
OF MOSCOW**

ROBERT WHITTAKER

TRANSLATED BY A.O. SEREDINA*, O.V. SAPUNOVA**

**Lomonosov Moscow State University*

**A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS*

***Lomonosov Moscow State University*

Summary: The article deals with the memoirs of Apollon Grigor'ev, «My literary and moral wanderings», where he showed the changing cultural topography of Moscow. Those changes, that is, the fall of nobility and the rise of the merchants, were noted as early as in 1835 by A.S. Pushkin. But even in the 1860s the literature continued to entertain the image established by A.S. Griboedov – Moscow of Famusov, of nobles. The pretentiousness of aristocracy has always made Apollon Grigoriev sick, and both in his 1862–64 memoirs and in earlier critical articles he showed the increasing role of merchants and industrial business people, that thanks to him was included in the «pochvennichestvo» understanding of the people. In his reflection of the social change in Moscow life Grigor'ev changed the literary image of cultural topography of Moscow. What is shown in memoirs is not the Tverskaya street, a traditional place of aristocracy, but the southern part of the city, Zamoskvorech'e, mostly inhabited by merchants. Ap. Grigor'ev can also be credited with the new panoramic point of view of Moscow, from the Kremlin wall, that also opened up on Zamoskvorech'e. It was polemics with the «Sovemennik» journal that prompted him to describe the new

² Аннотация составлена публикатором.

topography, particularly the publication of I.I. Panaev's memoirs, that clearly belittled the significance of the ancient capital of Russia.

Key words: Apollon Grigor'ev, memoirs, recollection, pochvennichestvo, cultural topography of city, urbanism, Moscow text.

Современная русская литература создала свой собственный образ Москвы, изобразив различные типы жителей города и определив особенности среды, в которой они жили³. Обстановка, окружающая героев: строения, улицы, площади, маленькие кварталы и более большие районы, – делала достопримечательности легко узнаваемыми и изображалась очень точно, иногда достигая обобщений при описании характеров и стиля жизни. «Типичные» черты появлялись также в случаях, когда московские реалии с их характерными особенностями описывали изображенные в литературе москвичи. Литературные образы Москвы развивались, реальный город также развивался: одно за другим описываемые места становились «типично» московскими. Таким образом, культурная топография города преобразовывалась под влиянием изменяющихся ценностей, символизирующих московские достопримечательности и местное население.

В русской мемуаристике XIX века ни одно произведение не превосходит «Мои литературные и нравственные скитальчества» по живости и достоверности воспроизведения исторических событий и обстановки того особенного времени и пространства⁴. В этом произведении, самом

³ Это исследование было частично поддержано грантом Нью-Йоркского Городского Университета в рамках Программы поддержки исследований. Автор выражает свою благодарность профессору Роберту Гохстанду, преподавателю географического факультета Калифорнийского Государственного Университета в Нортридже за его помощь в подготовке карты.

Ценные обзоры и анализ описаний, дополняющие образ Москвы, см. *Грегори Пол*. Тема Москвы в русской литературе XIX века. На русском: дис. ... канд. фил. наук, Вандербилтский университет, 1973.

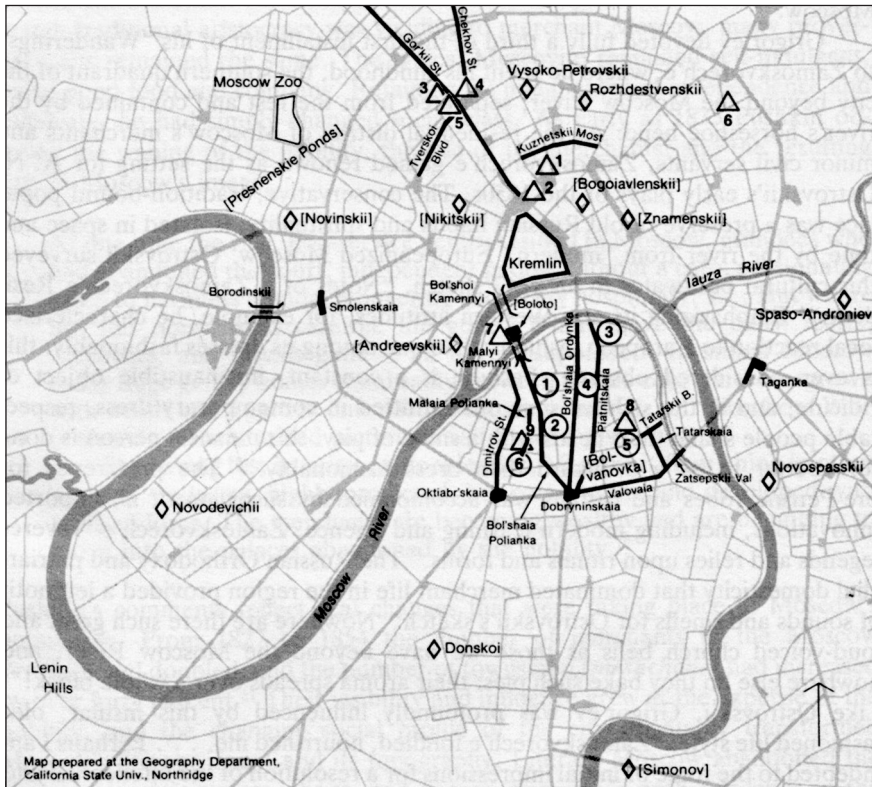
⁴ «Мои литературные и нравственные скитальчества» изначально были опубликованы в журнале «Время», 1862, номера 11 и 12, и в журнале «Эпоха», 1864, номера 3 и 5. Здесь источник цитируется по изданию *Григорьев А.А.* Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. Автор использовал свой собственный перевод, чтобы сохранить особенности стиля Григорьева, часто весьма непростого, который довольно точно передан в переводе Ральфа Матлоу ««Мои литературные и нравственные скитальчества» и другие автобиографические материалы Аполлона Григорьева» (Нью-Йорк: Даттон, 1962).

знаковым в его творчестве, критик и поэт Аполлон Александрович Григорьев (1822–1864) изобразил Москву своего детства в конце 1820-х и начале 1830-х. Однако, занимаясь мемуарами с 1862 по 1864 годы, Григорьев описал Москву, которая изменилась до неузнаваемости за предыдущие 30 лет. В течение нескольких десятилетий, начиная с 1812 года, образ города был преимущественно аристократическим, но к середине века начал появляться новый образ купеческой Москвы. «Скитальчества» подтвердили это изменение богатым описательным материалом, иллюстрирующим сопутствующий сдвиг в культурной топографии города.

В основе григорьевских воспоминаний лежит литературная и нравственная топография Москвы. Он «скитается» и буквально, и метафорически, рассматривая культурные достопримечательности города и объясняя социальную и духовную натуру людей города. Будучи *скитальчествами*, перемещения Григорьева, очевидно, не имеют цели или даже направления: он не паломник, совершающий хождение к священному месту, и не турист с путеводителем в руках или заранее спланированным маршрутом. Скорее, он просто блуждает по городу, поворачивая куда угодно и отвлекаясь, на что пожелает, и его проводник – лишь прихоть или случай. Подобно тому, как скитальцы часто ходят кругами, эти воспоминания представляют собой цикл (структура, часто используемая в лучших поэтических и критических работах Григорьева). Записки объединяются, скорее, в собрание очерков, а не в упорядоченное описание детства, части и главы которого располагаются в хронологической последовательности. Описания событий и впечатлений детства прерываются главами о семье и влиянии культуры, а также рассуждениями об истории литературы, журналистике, собственных идеалах Григорьева, которых он придерживался в 1850-е годы⁵. Единственная тема, объединяющая все части, – влияние и значимость купеческой Москвы.

Треть первой части «Скитальчеств» посвящена исключительно Замошворечью, где Григорьев провел свое детство; это район в южной четверти города по ту сторону Москвы-реки, отделенный от остальной

⁵ Григорьев отказался от системы нумерации первой главы («Часть первая» состоит из пяти пронумерованных главок). Вторая часть отсутствует, хотя вторая глава носит подзаголовок «Детство» и открывает новую нумерацию (главы 1 и 2). Третья часть продолжается с главы 3 и заканчивается главой 6, хотя главы не следуют в строгой хронологии; четвертая часть состоит из двух непронумерованных глав.

Карта приготовлена географическим факультетом
Калифорнийского Университета в Нортридже.

Названия в [скобках] означают территории или здания, которые не сохранились.

Здания:

1. Большой Театр
2. Дом Советов
3. Музей Революции
4. [Дом Фамусова]
5. Место, где родился Григорьев
6. [Дом Лариных]
7. Винные погреба
8. [Первый дом Григорьева]
9. [Второй дом Григорьева]

Церкви:

1. Святого Григория Чудотворца
2. Успения в Козаках
3. [Святой Параскевы Пятницы]
4. Святого Клементя Римского
5. [Преображения Господня на Болвановке]
6. [Преображения Господня в Наливках]

территории и ограниченный подковообразным изгибом русла реки. Жилой район московских купцов и младших чинов государственных служащих, Замоскворечье прославилось как место действия ранних пьес А.Н. Островского 1850-х годов. Консервативный, сильно привязанный к традиции простой народ, изолированный в пространстве и времени рекой от «современной», европеизированной Москвы, был хранителем старых русских обычаев и духовности. Островский привел описание этой «культурной заводи» в очерке 1847 года «Записки замоскворецкого жителя»⁶. К примеру, подчеркивая свои антизападные настроения, он так охарактеризовал местную реакцию на европейскую моду: «У нас никогда по моде не одеваются, это даже считается неблагопристойным. Мода – постоянный, неистощимый предмет насмешек, а солидные люди при виде человека, одетого в современный костюм, покачивают головой с улыбкой сожаления; это значит: человек потерянный. Будь лучше пьяница, да не одевайся по моде»⁷. Предпочтение допетровских сарафанов и кафтанов сопровождалось подозрительным отношением ко всем ввозимым нововведениям, включая современную образованность и науку: Замоскворечье «читит легенды и полагается на ритуалы и формы». Русское православие и патриархальная семейная жизнь, определявшие купеческую жизнь Замоскворечья, стали источником лейтмотивов звуков и запахов в очерке Островского: «Нигде нет таких больших и громогласных колоколов, как у нас за Москвой-рекой, и нигде в другом месте не пекут таких пирогов, запах которых распространяется по целому кварталу»⁸. На Григорьева, как и на Островского, огромное влияние оказывал этот замкнутый, старомодный стиль жизни: «Воскормило меня, возлелеяло Замоскворечье. <...> Быть может, силе первоначальных впечатлений обязан я развязкою умственного и нравственного процесса, совершившегося со мною, поворотом к горячему благоговению перед земскою, народною жизнью»⁹. Однако «Скитальчества» – это не только автобиография; Замоскворечье имело значение не только как важный элемент частной жизни Григорьева, но также играло огромную роль в создании образа Москвы в целом.

⁶ *Островский А.Н.* Записки замоскворецкого жителя // Островский А.Н. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 1. М., 1973. С. 32–61.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ Там же. С. 56, 58.

⁹ *Григорьев А.А.* Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 10.

Аристократический образ города нашел свое классическое выражение в сатирической комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», написанной в 1824–1825 годах¹⁰. К 1850 году внезапная популярность Островского ознаменовала упадок грибоедовской Москвы и возвышение нового образа города. Так, поздравляя драматурга с колоссальным успехом его первой комедии, А.Ф. Писемский писал: «Ваш “Банкрот” – купеческое “Горе от ума”»¹¹. Островский стал новым Грибоедовым: его Большой – новый Фамусов, его Пятницкая – новая Тверская (ныне это улица Горького), Купеческое собрание – новое Дворянское собрание. Но, хотя традиционная аристократическая Москва уступила купеческой, многие особенности, ставшие притчей во языцех, оставались неизменными. Типичный москвич всё так же потакал своим желаниям, любил хорошую еду и приятную компанию. Он сохранил свою невежественную самоуверенность и религиозность; изменился лишь его социальный класс. Еще в 1835 году Пушкин обратил внимание на упадок дворянства и подъем купечества, а также на перемену в образе Москвы, вызванную ими:

Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству. <...> Но куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пиры, чудачки и проказники – все исчезло. Ныне в присмившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. <...> «Горе от ума» есть уже картина обветшалая, печальный анахронизм. <...>

Но Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною си-

¹⁰ Подробнее об анализе прототипов в комедии «Горе от ума», об образе героев жизни и окружающей обстановке см.: Гершензон М. Грибоедовская Москва. 2-е изд. М., 1916.

¹¹ Из письма от 7 апреля 1850, см.: Неизданные письма из архива А.Н. Островского / Под ред. М.Д. Прыбунова и др. М.–Л., 1932. С. 336. Из-за цензуры название «Банкрот» было изменено на «Свои люди – сочтемся!», и в таком виде комедия была напечатана в «Москвитянине» в 1850 году в номере 6 (март). Театральная цензура отнеслась к пьесе с большей строгостью: премьера комедии состоялась только 16 января 1861 года в Петербурге.

лою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством.¹²

Комментарии Пушкина отражают реальные изменения, происходившие с московским населением. С 1827 по 1854 годы количество купцов на территории Московской губернии удвоилось, а число городских жителей (мещан) выросло более, чем на 40%¹³. Они стали заметны, их влияние возросло, что поколебало позиции дворян; изменяющаяся социальная обстановка в городе неизбежно внесла коррективы в литературный образ Москвы и ее топографию. Литературная Москва отказалась от изображения аристократических улиц, лавок и домов. Волею судьбы, в реальном мире роскошная усадьба Фамусова, соседствующая с лучшими домами Тверской, (располагавшимися в Путниковском переулке, через дорогу от Страстного монастыря, сейчас там находится здание «Известий») должна была превратиться в здание школы¹⁴.

Аристократическая Москва была представлена в основном западной четвертью города, начинающейся из центра города от Кремля. Этому «алтарю России» и «баснословному Фениксу», как описывал ее Лермонтов, посвящали патриотические стихотворения многочисленные поэты: В.А. Жуковский, Н.М. Языков, Е.А. Баратынский, В.Г. Венедиктов, Н.В. Станкевич, А.И. Полежаев¹⁵. К северу от Кремля, сразу за зданием Дворянского собрания (сейчас это Дом Советов) и Большим Театром располагался Кузнецкий мост, известный благодаря наибольшему в городе количеству лучших модных лавок, откуда приходили, как жаловался Фамусов, «моды к нам, и авторы, и музы: Губители карманов и сердец»¹⁶. К северо-западу от Кремля простиралась Тверская, на которой располагался фамусовский Английский Клуб (сразу за углом его дома, теперешний

¹² Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 5. М.-Л., 1936. С. 359–361.

¹³ *Gohstand Robert. The Internal Geography of Trade in Moscow from the Mid-Nineteenth Century to the First World War (Volumes 1–3)*. (Дис. ... канд. фил. наук, Калифорнийский университет в Беркли, 1973. Т. 1. С. 17–18.

¹⁴ Гершензон М. Грибоедовская Москва. 2-ое изд. М., 1916. С. 19.

¹⁵ Лермонтов М.Ю. Панорама Москвы // Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. 2-ое изд. Т. 4. Л., 1981. С. 339. Более обширное собрание поэтических произведений, описывающих аристократическую Москву см.: Москва в родной поэзии / Под ред. С.И. Понамарева. СПб., 1880.

¹⁶ «Горе от ума», акт 1, строки 90–91.

Музей Революции). Пушкин перечислил достопримечательности, располагавшиеся вдоль этой главной аристократической артерии, по которой Татьяна Ларина въехала в Москву¹⁷. Лермонтов высмеивал завсегдагаев Тверского бульвара, где вся светская Москва встречалась для прогулок¹⁸. Дальше от центра, прямо на запад от Кремля, располагались Пресненские Пруды (сейчас они частично находятся на территории Московского Зоопарка, а также вокруг него) – не менее знаменитое место прогулок и так же часто вдохновляющее на модную тогда социальную сатиру¹⁹. Несколькими огрубляя, можно считать, что южная граница аристократической Москвы тянулась вдоль линии от Кремля до Воробьевых Гор (ныне – Ленинские Горы), поднимаясь к юго-западу. С этой высоты открывалась самая популярная панорама аристократической Москвы, наиболее известная, пожалуй, как место клятвы А.И. Герцена и Н.П. Огарева, обещавших «пожертвовать <...> жизнью на избранную [ими] борьбу». Кремль и его «блестящие купола» засвидетельствовали этот торжественный акт, который был совершен «в виду всей Москвы», словно его засвидетельствовала вся Россия, ушедшая и грядущая. Эти «святые холмы» служили «местом богомолья» патриотически настроенных молодых революционеров, равно как и многочисленных дворян другой Москвы²⁰.

Когда купеческий образ Москвы вытеснил этот образ, фокус культурной топографии города переместился с западной четверти на южную. Замоскворечье теперь стало типичной Москвой. Так, Григорьев начинает свои «Скитальчества» с утверждения:

Если вы бывали и живали в Москве, да не знаете таких ее частей, как, например, Замоскворечье и Таганка, – вы не знаете самых характеристических ее особенностей. Как в старом Риме Тра-

¹⁷ «Евгений Онегин», глава 7, строфы 36–38. Хотя Татьяна, весьма предсказуемо, остановилась в той части Москвы, которая тоже вопреки традиции ассоциировалась с аристократическим образом (на углу улицы Грибоедова и Большого Харитоньевского переулка, см. *Шамаро А.* Ларинский домик // Шамаро А. Действие происходит в Москве. М., 1979. С. 24–29), она приехала на «ярмарку невест», чтобы найти подходящего мужа.

¹⁸ Автор отмечает, что в английском в 1830 году слово «бульвар» писалось «bulevar», в то время как современное написание – «boulevard».

¹⁹ См.: *Пыляев М.И.* Старая Москва (рассказы из былой жизни первопрестольной столицы). СПб., 1891. С. 505–549.

²⁰ *Герцен А.И.* Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 8. М., 1956. С. 81–82.

стевере, может быть, не без основания хвалится тем, что в нем сохранились старые римские типы, так Замоскворечье и Таганка²¹ могут похвалиться этим же преимущественно перед другими частями громадного города-села, чудовищно-фантастического и вместе великолепно разросшегося и разметавшегося растения, называемого Москвою.²²

Согласно описанию Григорьева, эта часть была характерна, скорее, для города середины века, потому как она сохранила старомосковские черты, нетронутые временем и сохранившие национальную чистоту. Как было ранее с аристократическим образом, купеческая Москва теперь стала олицетворять не только город, но и наиболее ценные характеристики России в целом. В качестве сравнения критик приводит географическое расположение Москвы и Рима: как Замоскворечье, старая четверть Трастевере, располагавшаяся вдоль реки, начиная от более престижных частей, была местом жительства низших классов; Григорьев указывает не только на сходство Москвы с другими старинными европейскими городами, но также на ее роль колыбели русской культуры²³. Таким образом, по замечанию писателя, топография Москвы была одним из примеров исторической географии всех древних русских городов. Вдоль рек, начиная от кремлей и аристократических районов «сосредоточивалась упрямо старая жизнь» и «поневоле закипала в застое». Для Григорьева Замоскворечье было квинтэссенцией не только Москвы, но и России.

Московские славянофилы также смотрели на древнюю столицу как на символ русскости, противопоставленный западному Санкт-Петербургу. Григорьев первым заявил о своей приверженности этому взгляду в очер-

²¹ Таганка, расположенная также на юго-востоке, но только между Москвой-рекой и Яузой, входила не в состав Замоскворечья, а в Заяузье, и была полностью купеческой и одновременно – центром московских староверов.

²² *Григорьев А.А.* Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 8.

²³ Сравнение Москвы с Римом, проведенное Григорьевым, построено не столько на их одинаковой топографии (или параллельном развитии их региональной топографии, начиная с районной – «за Москвой-рекой» и «за Тибром»), сколько позаимствовано из «Рима» Гоголя; в этом произведении критик чувствовал «наш родной русский быт» и обращал внимание на образ Москвы и Руси (*Григорьев А.А.* Замечания об отношении современной критики к искусству // Москвитянин. 1855. №№ 13–14 [июль]). В любом случае, григорьевская Москва определенно не «третий Рим» славянофилов.

ке 1847 года «Москва и Петербург», в котором подчеркивал теплое гостеприимство в домах и простое очарование своего родного города²⁴. В 1850-х, когда Григорьев был ведущим критиком «молодой редакции» «Москвитянина», его промосковские симпатии разрослись до фантастических размеров, особенно сильно это выражалось в его (часто скандальном) энтузиазме при рассмотрении купечества у Островского. Но, хотя Григорьев глубоко уважал славянофилов за то, что они были его единомышленниками по части преданности Москве, и разделял некоторые из их принципов (в частности, их веру в исконную русскую культуру и бережное хранение народных традиций, веру в органический принцип в истории), он все же расходился с ними во многих существенных аспектах. Будучи горожанином, проживающим в Замоскворечье, Григорьев отвергал сельские идеалы славянофилов, которые были владеющими землей дворянами и потому особые духовные и социальные ценности приписывали крестьянству. В 1856 году в письме к А.И. Кошелеву Григорьев определил свои основные разногласия с идеологией славянофилов. Соглашаясь, что «залог будущего России хранится только в классах народа, сохранившего веру, нравы, язык отцов», он считал вместилищем настоящей русскости московские городские классы – «в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу, видим старую извечную Русь»²⁵, таким образом урбанизируя один из существеннейших идеалов славянофилов.

За этим несогласием Григорьева стоит его глубокая неприязнь к претенциозности дворян, которые со временем стали последовательно придерживаться аристократической точки зрения. Это объясняет, почему он так активно нападал на аристократический образ Москвы. В статье «Горе от ума», написанной незадолго до «Скитальчества», критик объявляет Чацкого «единственным истинно героическим лицом нашей литературы» за его моральный протест против «лжи, зла и тупоумия» Фамусова и его ближайшего окружения²⁶. В «Скитальчествах» писатель раз-

²⁴ Григорьев А.А. Москва и Петербург. Заметки зеваки. I. Вечер и ночь кочующего варяга в Москве и Петербурге // Московский городской листок. Т. 88. 1847. С. 352–354. Стоит отметить, что подзаголовок также предполагает «скитальчества».

²⁵ Григорьев А.А. Материалы для биографии / Под ред. В.А. Княжнина. Петроград, 1917. С. 151.

²⁶ Григорьев А.А. По поводу нового издания старой вещи. Горе от ума. СПб, 1862 // Время. 1862. № 8. Цитируется по книге: Григорьев А.А. Литературная критика / Под ред. Б.Ф. Егорова. М., 1967. С. 495, 501.

ражается в сторону Фамусова тирадой, направленной против «Московских элегий» Михаила Дмитриева, который окутал сентиментальностью аристократическую Москву со скучным самоудовлетворением. Григорьев нашел стихотворения «способными самого истого москвича, если только в нем мало настоящей московской закваски, довести до полнейшего остервенения» и обвинил Дмитриева в том, что он – «Фамусов, явно и по рефлексии презирующий народ и в купечестве, и в сельском свободном сословии»²⁷. В «Скитальчествах» писатель настаивает на культурной важности Москвы, но уже не как аристократического города или абстрактного славянофильского символа, важнейшее место в городе теперь занимает современное критику, населенное средним классом, совершенно урбанизированное Замоскворечье.

Новый образ Москвы, созданный Григорьевым, был уникальным вкладом в журнальную полемику начала 1860-х, которую журнал «Время» братьев Достоевских развернул против радикальной печати, особенно «Современника». Обстановка в петербургской журналистике того времени обострила полемические аспекты, затронутые в «Скитальчествах». В середине 1862 года Григорьев, до того времени нерегулярно участвовавший в журнале Достоевских, только что вернулся в Петербург из годового добровольного изгнания в Оренбург²⁸. По прибытии он обнаружил, что принципиальная борьба между журналами внезапно была устранена: в июне правительство закрыло «Современник» и «Русское слово», а в июле ведущие критики этих изданий, Н.Г. Чернышевский и Д.И. Писарев, были арестованы²⁹. (Ситуация, сложившаяся в результате этих событий, стала совсем безнадежной, когда в ноябре 1861 года умер критик «Современника» Н.А. Добролюбов, а феврале 1862 года – редактор и фельетонист того же журнала И.И. Панаев.) Ежегодная кампания по привлечению новых подписчиков началась с падения их числа, главные полемисты «Времени» – Федор Достоевский и Николай Страхов – всё еще пу-

²⁷ Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 56.

²⁸ «Нерегулярность» его участия в журнале была обусловлена тем, что за месяц до отъезда в Оренбург, когда он впервые опубликовался во «Времени», Григорьев находился в долговой тюрьме (см.: Виттакер Р. Неопубликованные письма Аполлона Григорьева 1859–1860 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 9. 1981. №. 6. С. 49).

²⁹ Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. СПб.: Герольд, 1904. С. 179ff и 188; Woehrlin W.F. Chernyshevskii: The Man and the Journalist. Cambridge, Harvard University Press, 1971. С. 116ff.

тешествовали по Европе; Григорьев решил немедленно воспользоваться этой уникальной возможностью, заполнить «журналистский вакуум» и увеличить круг читателей журналов³⁰. Его полемический вклад в эту кампанию увенчался «Скитальчествами», появившимися в ноябре и декабре.

Почвенничество, принятое во «Времени», было попыткой примирить идеологии западников и славянофилов и объединить отчужденные социальные классы возвращением к истинному русскому национальному характеру – «почве»³¹. В начале 1862 года Н. Страхов определил «почву» как «те коренные и своеобразные силы народа, в которых заключаются зародыши всех его органических проявлений», добавляя примечание для прояснения метафоры: «Когда о народе говорят по аналогии как о почве, то почва здесь разумеется не в геологическом смысле и не в агрономическом, <...> а в смысле органической географии. В смысле этой географии почва означает часть земной поверхности, отличающуюся известным характером своих растений»³². Новый образ Москвы, созданный Григорьевым, был как раз такой органической географией, а Замоскворечье олицетворяло ту самую «русскую почву».

Вопреки надеждам на примирение, взгляды идеалистов и противников радикальных перемен, печатающихся во «Времени», привели к обострению конфликта с материалистической и революционной позицией редакции «Современника». Почвенники обвиняли радикалов в крайнем западничестве, а радикалы, в особенности, Чернышевский, чрезвычайно гордились этим наследием. В период кризиса в 1861 году «Современник» публикует «Литературные воспоминания» Панаева о событиях 1830–1840-х годов, возрождая тем самым старое противостояние славянофилов и западников двух «столиц». Для западников Петербург символизировал европейскую цивилизованность, а Москва – русскую отсталость. Панаев

³⁰ В период расцвета карьеры критика Григорьев опубликовал девять значимых статей, три крупных театральные обзора и рецензию книги в шести выпусках журнала «Время», выходявших с июля по декабрь. Однако, едва число подписчиков «Времени» в 1863 году достигло того же количества, каким было в 1862 году, как в апреле издание журнала было прекращено (Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» 1861–1863. М., 1972. С. 43).

³¹ См.: Dowler E. Wayne. The “Native Soil” (Pochvennichestvo) Movement in Russian Social and Political Thought 1850–1870. (Дис. ... канд. фил. наук, Лондонский университет, 1973), особенно с. 148–176 и 192–196.

³² Страхов Н. Пример апатии (Январь 1862) // Страхов Н. Из истории литературного нигилизма 1861–1865. СПб., 1890. С. 113–115.

посвятил неоправданно большой фрагмент воспоминаний Москве, хотя посетил ее этот закосневший петербургский журналист лишь однажды, в 1839 году, причем визит был крайне непродолжительным³³. Будучи западником, он возвышает Петербург за счет Москвы, представляет незначительной культурную жизнь последней и умаляет значение ее интеллектуалов. В ответ на это Григорьев приступает к «Скитальствам», полемически направленным против предвзятой клеветы противников на образ Москвы. Михаилу Достоевскому он адресует следующее заявление: «Вы вызвали меня, добрый друг, на то, чтобы я написал мои „литературные воспоминания“», – это отсылка к Панаеву и «Современнику»³⁴.

Чтобы представить современное культурное значение Москвы как можно менее значимым, Панаев усилил старый аристократический образ города, показав классическую версию фамусовской Москвы. От отметил «не городскую жизнь в том смысле, как мы ее понимаем теперь, а патриархальную, широкую помещичью жизнь, перенесенную в город»: жизнь визитов, карточных игр, обедов, балов, пышных празднеств. Литературные вечера были вялыми, а театральные – скучными: в 1839 году, посетив знаменитую постановку с П.С. Мочаловым «Гамлета», переведенного Н.А. Полевым, Панаев остался «усталым, с неприятным, тяжелым впечатлением»³⁵. Картина дополнилась перечислением всех москвичей, славившихся эксцентричностью, таких как М.Н. Загоскин, М.П. Погодин, М.Н. Катков, Каролина Павлова и ее муж.

Неудивительно, что панаевская топография аристократической Москвы оказалась ничуть не менее традиционной. Он посетил Кремль, чтобы увидеть древние городские памятники, «усадьбу» Аксакова на Смоленском рынке (ныне площади), дом Великопольского на Пресненских прудах, идиллические берега Москвы-реки в европейском стиле с видом на Драгомиловский (ныне Бородинский) мост; также он совершил паломничество к Воробьевым горам вместе с Загоскиным, чью цитату, произнесенную во время восторженного созерцания панорамы, он повторил: «Как, в самом деле, настоящий русский может не любить Москвы?» Однако, как бы Панаев ни восхищался московской «живописностью и ее

³³ Главы о Москве (1–5 главы из части 2) в «Литературных воспоминаниях» Панаева были опубликованы в «Современнике» в 1861 году, номера 9 и 10 (*Боград В.* Журнал «Современник» 1847–1866: Указатель содержания. М.–Л., 1959. С. 402, 404).

³⁴ *Григорьев А.А.* Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 5.

³⁵ *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1950. С. 145, 149, 153, 158.

старинными церквами», он высмеивал ее аристократов, особенно славянофилов и Константина Аксакова, чья фанатичная любовь к Москве и восторженная идеология казались по-юношески наивными³⁶. Панаев по-настоящему проникается симпатиями к В.Г. Белинскому, который, расставаясь со своими друзьями, сказал: «Я петербуржец... А вы – москвичи, провинциалы; да, ваша Москва – провинция, что вы ни говорите и как ни гордитесь ею...»³⁷.

Григорьев не менее, чем Панаев, презирал аристократическую Москву. Но вместо того, чтобы совершенно отрицать значение города, он сконцентрировался на другом образе Москвы. И эта пересмотренная культурная топография была его полемической защитой города. Так, Григорьев описывает Замоскворечье дважды: во вступительной главе «Первые общие впечатления» он берется провести читателя по этой части города как проводник, и в четвертой главе «Сторона» он обозревает панораму Замоскворечья со стороны кремлевской стены.

Григорьев начинает свою экскурсию от Кремля и, «скитаясь», уходит вглубь Замоскворечья, рассказывая о достопримечательностях, встречающихся по пути. Этот прием, открывающий произведение, отсылает читателя к «Прогулке по Москве» К.Н. Батюшкова, в которой описываются здания, улицы и типичные москвичи, и, тем самым, создается традиционный образ города 1811–1812-х годов³⁸. Путь Григорьева ведет к купеческой Москве, составляющей образ, совершенно противоположный «аристократическому» маршруту Батюшкова. Батюшков начинает с Кремля, идет на север к Кузнецкому Мосту, затем на северо-запад от Тверской по Тверскому Бульвару, и оказывается, наконец, у Пресненских прудов на западе. Григорьев поворачивается в противоположном направлении, и движется на юг от Кремля, пересекает Болотную площадь (ныне площадь Репина), следует от Большой Полянки на юго-восток, затем поворачивает на восток и доходит до Болвановки (сейчас это район между Первым и Вторым Новокузнецким переулком).

В противоположность модным лавкам на Кузнецком Мосту, Григорьев отмечает «скудность» казенных винных погребов (где сейчас находится жилой комплекс за кинотеатром «Ударник») на Болотной площади,

³⁶ Там же. С. 150, 156, 164.

³⁷ Там же. С. 192.

³⁸ *Батюшков К.Н.* Прогулка по Москве // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 379–393.

расположенных около овощных лавок и амбаров с зерном. Вместо описания аристократов, прогуливающих по Тверскому бульвару, Григорьев изображает купеческую Москву в «праздничную, торжественную минуту» на Якиманке (ныне Дмитровская улица). Здесь каждый год 19 августа

чуть что не от самого Кремля движутся огромные массы народа за крестным ходом к Донскому монастырю, и все тротуары полны празднично разрядившимся народонаселением правого [западного] Замоскворечья, и воздух дрожит от звона колоколов старых церквей, и все как-то чему-то радуется, чем-то живет, – живет смесью, пожалуй, самых мелочных интересов с интересом крупным ли, нет ли – не знаю, но общим, хоть и смутно, но общественным на минуту. И право, – я ведь неисправимый, закоренелый москвич, – хорошая это минута.³⁹

Местные жители не только «прогуливались» иначе, чем их благородные соотечественники, их домашняя жизнь также прямо противоречила традиционному образу, описанному аристократами от Батюшкова до Панаева. Григорьев подчеркивает простую, основательную, замкнутую семейную жизнь Замоскворечья, огражденную от посторонних «заборами с гвоздями» и «сторожевыми псами на цепи». Здесь все дома были крепостями, чье теплое сияние и «шипящие самовары» возбуждали чувство зависти в окружающих.

Сами описания топографии Замоскворечья у Григорьева нетрадиционны, особенно использование органических метафор и неожиданных сравнений с итальянскими городами. Создается образ Москвы-растения – растительные сравнения были очень свойственны писателю и процветали в его «органической критике», – простирающегося вплоть до основных магистралей Замоскворечья, которые становятся тремя «жилами». Две крупнейшие из них – Большая Полянка слева (на восток) и Якиманка справа (на запад) – питают старые городские ворота: Серпуховские (ныне Добрынинская площадь) и Калужские (ныне Октябрьская площадь). Средняя «жила» – Малая Полянка, «межеумок», ведущий в никуда.

³⁹ Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 9. Ежегодное шествие от Успенского собора к монастырю проводилось в честь освобождения Москвы от татаро-монгольского ига в 1591 году. Традиция поклонения Донской иконе Божьей Матери была заложена царем Федором Михайловичем, построившим в 1592 году монастырь в честь этой победы.

Продолжая сравнивать Замоскворечье с древними итальянскими городами, Григорьев описывает Малый Каменный мост (к настоящему моменту уже дважды перестроенный) как «единственный мост старой постройки, уцелевший как-то до сих пор от усердия наших реформаторов-строителей и напоминающий мосты итальянских городов, хоть бы, например, Пизы»⁴⁰. Гуляя вдоль Большой Полянки, он замечает «большой дом итальянской и хорошей итальянской архитектуры»⁴¹, описание которого использует как прелюдию к поэтическим размышлениям о церкви Святителя Григория Чудотворца (Григория Неокесарийского), расположенной напротив Полянской площади (ныне Бродников переулок)⁴². Григорьев выгодно сравнивает архитектуру этой «низенькой, темно-красной» церкви с ее «оригинальной физиономией» с итальянскими церквями и обнаруживает, что она очень похожа на знаменитую церковь XIV столетия Santa Maria della Spina в Пизе: «такую узорчатую и вместе так строго стильную, что она даже кажется грандиозною»⁴³. Указывая на выразительность архитектуры и древность церкви (построенной в 1679 году), Григорьев намекает, что европеизирующие реформы были избыточными для культуры, уже создававшей архитектуру высокого уровня, соотносимого с европейским. Он заключает, что «при ее созидании *что-то* явным образом бродило в голове архитектора; <...> и все-таки вышло *что-то*, тогда как ничего, ровно ничего не выходит из большей части послепетровских церковных построек»⁴⁴. В Замоскворечье до сих пор наблюдается чистота русских архитектурных стилей, какими они были до того, как уступили светской имитации, насажденной реформами Петра Великого.

⁴⁰ Там же. С. 9. Большой Каменный мост был сконструирован из железа в 1859 году и заменил Всехсвятский мост семи пядей в длину, построенный в 1692 году и бывший первым мостом через Москву-реку. См.: «Имена московских улиц» под ред. А.М. Пегова, повт. ред. (Москва, 1975), с. 484.

⁴¹ Дом Прозоровского, построенный В.И. Баженовым в 1793 году и перестроенный М.Ф. Казаковым, располагался по адресу Большая Полянка, дом 1. Описание см.: Николаев Е.В. Классическая Москва. М., 1975. С. 37, 113–114.

⁴² Краткое описание и фотографии церквей и монастырей, упомянутых у Григорьева, см.: Москва златоглавая: памятники религиозного зодчества Москвы в прошлом и настоящем. М. и Париж: УМСА-Press, 1979, в доме № 102 располагалась церковь Николая Чудотворца. Информацию о ней см. под соответствующим номером.

⁴³ Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 9–10.

⁴⁴ Там же. С. 10.

Прогулка Григорьева по Замоскворечью покрывает не только пространство – улицы и здания, – но и время. Проходя все дальше и дальше в эту часть города, он все больше углубляется в историю Москвы. От храма свят. Григория он движется дальше на юг и к более раннему историческому периоду – церкви Успенья, построенной в 1695 году⁴⁵. Здесь Григорьев указывает не на древность церкви, а на ее расположенность в том месте, где стояли казачьи отряды Дмитрия Донского в конце XIV века. Затем он идет на восток, в те части города, названия которых связаны с их историческим значением: в Ордынскую и Татарскую слободы, где останавливались слуги послов из Золотой Орды и их татарские отряды⁴⁶. Наконец, Григорьев приходит на Болвановку, «прозванную так потому, что тут, по местным преданиям, князья наши встречали ханских баскаков и кланялись татарским болванам». Григорьевская топография охватывает период от XVII века до начала XIV века, известного как возвышение Москвы.

Эта прогулка сквозь историю привела Григорьева также к его собственным духовным и интеллектуальным истокам: «на Болвановке, началось мое несколько-сознательное детство, то есть детство, которого впечатления имели и сохранили какой-либо смысл»⁴⁷. Хотя его пешая прогулка по Замоскворечью подошла к концу, Григорьев не остановился на этом. Скорее, он вернулся к своему «досознательному» детству до 1827 года, которое он провел вблизи Тверской. Семья Григорьева переехала из этого аристократического района – его «потерянной Аркадии», – когда ему было 5 лет. Перемещение в его собственной «топографии» символизирует историческую эволюцию образа Москвы.

Григорьев предупреждает своих читателей: «Я намерен писать не автобиографию, но историю своих впечатлений», и только тех впечатлений, которые значимы исторически, «только тех, что характеризуют эпоху вообще»⁴⁸. Значимость его рождения и проведения ранних лет жизни на Тверской обусловлена историческими событиями, подорвавшими московскую аристократию. Его дед со стороны отца (который получил наследственное дворянство благодаря службе) владел двумя домами на Ма-

⁴⁵ Успения Пресвятой Богородицы в Казачьей слободе, см.: Москва златоглавая, № 107.

⁴⁶ Эти районы до сих пор именовются по названиям улиц Большая Ордынка и Татарская.

⁴⁷ Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 10.

⁴⁸ Там же.

лой Дмитровке (ныне Чеховская улица), которые сгорели во время французской оккупации; Григорьев появился на свет уже в доме в Малом Палашевском переулке, выходящем на Тверскую⁴⁹. Один особый факт определяет культурную историю этой магистрали – это главный путь из Петербурга, по которому прибывали в Москву из имперской столицы всё (и все) наиболее важное (так было вплоть до открытия железной дороги в 1851 году). Григорьев помнил, как он стал свидетелем похоронной процессии Александра I, помнил, что ощущал, как «странный страх господствовал тогда в воздухе», вызванный неудавшимся восстанием декабристов. Хоть ему и было всего три года в то время, он утверждал, что эти события, глубоко потрясшие дворянство, сильно повлияли и на него: «Общественная катастрофа, разразившаяся в это время, катастрофа, с некоторыми из жертв которой мой отец был знаком по университетскому благородному пансиону, страшно болезненно подействовала на мое детское чувство»⁵⁰.

В доказательство этому Григорьев цитирует фрагмент из мемуаров Альфреда де Мюссе, описывающий влияние наполеоновских войн на молодое поколение французов. Эти страницы из Мюссе четко указывали читателям «Скитальчеств» на очевидное на сходство с «Былым и думами» Герцена, первое полное издание которых на тот момент только что было опубликовано в Лондоне (1861 год)⁵¹. В первой главе Герцен (родившийся в 1812 году в доме на другой стороне Тверской, через дорогу от дома Григорьева⁵²) рассуждал, что вторжение Наполеона, разрушение

⁴⁹ Федоров Г.А. Новые материалы о ранних годах жизни Ап. Григорьева // Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 368–373. Рожденный вне брака, Григорьев был зарегистрирован как мещанин вплоть до выпуска из университета.

⁵⁰ Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 11.

⁵¹ Случайная выборка отрывков из «Былого и дум» публиковалась в альманахе Герцена «Полярная звезда» с 1855 по 1858 годы; первая редакция двух томов, опубликованных в 1861 году, содержала 1–4 части, повествующие о периоде с 1812 по 1847 годы. Григорьев прямо ссылался на детские воспоминания Герцена о домашних слугах (Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 15–16), но его описания не противоречили герценовскому образу Москвы. Образ, созданный Герценом, был хотя и насквозь аристократическим, но не таким положительным, как у Панаева. Подробнее об образах Москвы Григорьева и Герцена см.: Егоров Б.Ф. Художественная проза Ап. Григорьева // Там же. С. 154–161.

⁵² Елизаветина Г. Александр Иванович Герцен и Николай Платонович Огарев // Елизаветина Г. Русские писатели в Москве. М., 1973. С. 361.

Москвы и то, что его семье чудом удалось бежать из города, стало его боевым крещением, первым событием в жизни, наполненной революционной борьбой. Григорьев, напротив, утверждал, что его крещением стала неудавшаяся революция и постдекабристский террор, который породил его аполитичную ориентацию⁵³. Этот кризис также ослабил представление аристократической Москвы о самой себе и обозначил начало ее упадка.

В четвертой главе «Скитальцев», извинившись перед читателями, Григорьев возвращается к топографии Замоскворечья: «стороне, которая могла нарезать на душе неизгладимые следы». Его целью было представить новую панораму Москвы с южной стены Кремля: «Вид Москвы с кремлевской вершины почти такое же избитое место, как вид ее с Воробьевых гор»⁵⁴. Со временем эта панорама станет более популярной, чем традиционный «аристократический» вид⁵⁵. Отсюда Григорьев уточняет топографию этой купеческой части города, в отличие от предыдущих панорам Москвы, созданных Лермонтовым (1834) и Герценом (1835), которые практически игнорировали Замоскворечье⁵⁶. Григорьев оправдывает появление второго описания необходимостью показать эту часть города как «соединение разных особых миров, носящих каждый свою отдельную, типовую физиономию»⁵⁷. Первое описание показывало физическую и историческую топографию города, теперь же он описывает его население.

Чтобы отделить восточное Замоскворечье от западного, Григорьев делает короткое отступление касаясь общего принципа московской исторической географии. Над «пестротой и громадностью» панорамы выросли две пары колоколен: слева – Новоспасского и Симонова мона-

⁵³ Возможно, Григорьев знал, что он и Герцен были крещены в одной и той же церкви (см.: Федоров. Новые материалы. С. 370).

⁵⁴ Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 19.

⁵⁵ Документальным доказательством перемен в лучшую сторону, которые произошли в Замоскворечье, является фотография этого района, сделанная в 1856 году с Кремля; вид на фото в точности соответствует описанию Григорьева. Подробный анализ см.: Николаев Е.В. Москва Герцена на фотографии // Николаев Е.В. Классическая Москва. С. 30–39. Репродукцию лучшего качества см.: Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 80–81.

⁵⁶ О Лермонтове см. сноску 13. Панорама Герцена открывает его «Легенду», см.: Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 1. М., 1954, С. 81–83.

⁵⁷ Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 19.

стыря, а справа – Донского и Новодевичьего⁵⁸. Как и во всем городе, эти монастыри возвышались не только над горизонтом, но и над ближайшими, исторически примонастырскими, территориями. Григорьев так описал эту особенность роста Москвы: «Старые монастыри – это нечто вроде драгоценных камней в венцах, стягивающих в пределы громадный город-растение, или, если вам это сравнение покажется вычурным, – нечто вроде блях в его обручах». Так, «старые пласты города стягивает обруч с запястьями-монастырями»⁵⁹. Он называет шесть монастырей, разбросанных по городу асимметрично, но имеющих общее историческое и топографическое значение. Все они были построены в XIV веке и расположены на холмах, с которых открывается вид на соответствующие части города⁶⁰. Григорьев считает, что этот эволюционный принцип древней Москвы не действует в других частях города. В то время как «в Замоскворечье и в Таганке, которая “тянет” наполовину к Андроньеву, наполовину к “Спасуновому”, типовой характер монастырей уцелел, разумеется, более. <...> Особый характер, особый цвет и запах жизни у юго-восточного Замоскворечья, которое “тянет” к Симонову, и у южного и юго-западного, которые “тянут” к Донскому»⁶¹.

⁵⁸ Из названных монастырей, расположенных у юго-восточной и юго-западной границы Замоскворечья, только Симонов монастырь не сохранился до настоящего времени (он располагался у Автозаводского моста на левом берегу Москвы-реки; теперь там находится клуб завода «Динамо», см.: *Шамаро*. Лизин пруд // *Шамаро*. Действие происходит в Москве. С. 16–24), Москва златоглавая. №№ 141, 147, 263, 264.

⁵⁹ *Григорьев А.А.* Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 19.

⁶⁰ Речь идет о следующих монастырях: Андреевском, расположенном на левом берегу Москвы-реки юго-западнее Кремля (он был перенесен к Храму Христа Спасителя в 1837, где теперь располагается московский плавательный бассейн под открытым небом); Никитском, у реки Неглинной, с видом на западную стену Кремля (на улице Герцена, где сейчас располагается станция метро); Новинский, выше по левому берегу, западнее города, где Пресня впадает в Москву-реку (около отеля «Мир»); Высоко-Петровский и Рождественский, расположенные на другой стороне (теперь под землей) Неглинной реки, севернее от Кремля (на обеих сторонах улицы Неглинной и на Трубной площади, на одноименных бульварах); и Спасо-Андроников, с видом на Язу, восточнее Кремля на площади Прямова (бывшей Андроньевской). Москва златоглавая. №№ 82, 169, 209, 210, 242 и 291.

⁶¹ *Григорьев А.А.* Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 20. В качестве примера монастыря, который больше не имеет влияния на окружающие

Монастыри продолжали влиять на стиль жизни в современной купеческой части города.

Григорьев обращается к юго-восточной части Замоскворечья, которая включала Болвановку, где прошло его детство, чтобы показать особый характер населения, тянущегося к Симонову монастырю. Передвигая взгляд вдоль горизонта, от Новоспасского монастыря направо и на юг, он особо отмечает две важных церкви: св. Параскевы Пятницы и св. Климента папы Римского, – обе они расположены на «третьей, огромной юго-восточной жиле, Пятницкой, названной так по церкви мифически-народной святой Пятницы-Прасковей»⁶². (Он мог бы добавить, что она являлась святой покровительницей русских купцов.) Гораздо меньше внимания Григорьев уделяет церкви св. Прасковей-Пятницы (1739), одной из самых необычных московских церквей с ее знаменитой колокольней⁶³. Вместо этого, он сосредоточился на «великолепной», как он говорит, церкви св. Климента папы Римского (1758–1770): «Она поразит вас строгостью и величавостью своего стиля, свою даже гармонию частей». Построенная лучшим учеником Растрелли, А. Евлашевым, и сопоставимая с Андреевским собором в Киеве и Смольным монастырем в Петербурге, несмотря на большую простоту, эта церковь была одной из крупнейших в Москве, и эта огромная пятиэтажная постройка до сих пор возвышается над восточной половиной Замоскворечья⁶⁴.

Григорьев описал два соседних района в этой части города, простирающихся на восток к реке и на юг к Зацепе, которая была «за цепью» таможенной инспекции (сейчас это Валовая и Зацепский Вал). Вокруг церкви св. Климента на Пятницкой и западнее нее жили купцы; восточнее «жизнь купеческая сплетается с мелкомещанскою, мелкочиновническою и даже, пожалуй, мелкодворянскою». Оба типа жителей вели жизнь «стриюцких» (стриюцкие, просторечное слово, образованное от бастрюк

территории, Григорьев называет Знаменский и Богоявленский монастыри в Китай-городе (Москва златоглавая. №№ 27 и 28). В «Скитальчествах» описываются или упоминаются тринадцать из двадцати одного московского монастыря, расположенного вне Кремля; таким образом, произведение необычайно полно описывает «духовную» топографию города.

⁶² Там же.

⁶³ На этом месте теперь располагается станция метро Новокузнецкая. См.: Москва златоглавая. № 108; Николаев Е.В. Классическая Москва. С. 37–38.

⁶⁴ Располагалась в Климентьевском и Голиковском переулках. Москва златоглавая. № 99; Николаев Е.В. Классическая Москва. С. 38.

(бастард) и называющее пьющего, эксплуатируемого изгоя⁶⁵) и представляли собой претенциозную социальную прослойку, которая запугивала легковерных купцов законной проверкой, и жила таким образом за их счет. Подобный симбиоз был свойственен восточному Замоскворечью: «Жизнь земщины⁶⁶ и жизнь “стюцких” живут рядом одна с другою, растительно сплетаются, хоть не смешиваются и тем менее амальгамируются». Для иллюстрации взаимной тирании «стюцких» и простых купцов, Григорьев цитирует «одну из наидействительнейших драм Островского “В чужом пиру похмелье”»⁶⁷. Драматург родился недалеко от церкви св. Климента и, хотя его семья переезжала несколько раз, вырос совсем недалеко от Пятницкой. К юго-востоку находился дом, в котором провел детство Григорьев; вид из него выходил на церковь Преображения Господня на Болвановке⁶⁸.

Жизнь, которая окружала меня в детстве, была наполовину жизнь дворянская, наполовину жизнь «стюцких», ибо отец мой служил, и служил в одном из таких присутственных мест, в кото-

⁶⁵ Это слово, очевидно, по-разному употреблялось в Москве и Петербурге. Григорьев использовал слово в том же значении, в каком и Островский в комедии «В чужом пиру похмелье» 1855-го года (*Островский А.Н.* Полное собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 2. М., 1974. С. 12–14); по интерпретации критика в его статье 1861 года «После “Грозы” Островского», пьеса показывает эксплуатацию доверчивого купца Тита Титыча «стюцким» Захаром Захарычем (*Григорьев А.А.* Литературная критика / Под ред. Б.Ф. Егорова. М., 1967. С. 383–384). В то же время, Достоевский в своих «Дневниках писателя» (ноябрь 1877) объяснял слово «стюцкий» как типично, если не исключительно, петербургское просторечие, обозначающее пьяного хулигана (*Достоевский Ф.М.* Полное собрание художественных произведений. Т. 12. М.–Л., 1929. С. 295–297).

⁶⁶ Григорьев использовал эти слова, чтобы обозначить простые, социально непривилегированные, необразованные и эксплуатируемые классы русских. «Реформы» Ивана IV 1565-го года привели к формированию из верных бояр и аристократии опричнины – практически политической полиции, которая безнаказанно терроризировала земщину – вторую часть царства, находившуюся во власти традиционной московской администрации.

⁶⁷ *Григорьев А.А.* Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 20.

⁶⁸ Спаса Преображенская на Болвановке, построенная в 1485 (реконструированная в 1722 году) на том месте, где Иван III сбросил с Руси иго татаро-монгол, низвергнув их идолов (Москва златоглавая. № 136).

рые не проникал уровень чиновничества, в котором бражничало, делало дела и властвовало подьячество.⁶⁹

Те же самые жители и те же самые устои, что описывал Островский.

Хотя Островский был первым, кто создал литературный образ купеческой Москвы, Григорьев считал, что его пьесам не хватает «поэтических» описаний топографии Замоскворечья. Его «Скитальчества» восполнили этот пробел:

Но до сих пор никто, даже Островский, не коснулся его поэтических сторон. А эти стороны есть – ну, хоть на первый раз – внешние, наружные. Во-первых, уж то хорошо, что чем дальше идете вы вглубь, тем более Замоскворечье тонет перед вами в зеленых садах; во-вторых, в нем улицы и переулки расходились так свободно, что явным образом они росли, а не делались.⁷⁰

Григорьев видел поэзию в улицах, окрестностях, архитектуре и плане этой части города. Его «поэтические» описания Замоскворечья создают топографическую глоссу для пьес Островского. Разумеется, пасторальные, буйно цветущие сады традиционно считаются поэтичными. Более важно то, что улицы заключают в себе поэзию, потому что они развивались органически и не по плану: по утверждению Григорьева, это и есть настоящая поэзия, рожденная, а не рукотворная⁷¹. Кроме того, московская поэзия зеленых садов и «органических» улиц явно контрастирует с прямолинейным и радиальным планом улиц Санкт-Петербурга. Этот «самый тщательно спланированный» город очевидно не рос естественно. Таким образом, полемика вокруг «двух российских столиц» снова выходит на поверхность в григорьевских «Скитальчествах».

Наконец, в конце второго описания Замоскворечья Григорьев снова вспоминает образ, противоположный его семейной «Аркадии». На этот раз снижение образа московской аристократии и возвышение образа купечества символизируются григорьевским «ветхим» домом «с явными

⁶⁹ Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 21.

⁷⁰ Там же. С. 8.

⁷¹ Григорьев первый начал рассматривать это различие в своем «Обозрении наличных литературных деятелей», «Москвитянин», 1855, №№ 15–16, с. 187; см. приложение в «Скитальчествах», по изд.: Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 69.

претензиями, домом с дворянской амбицией» в Малом Спасоболвановском (ныне Втором Новокузнецком) переулке. Этот и второй «дворянский» дом по соседству

стояли какими-то хмурыми гуляками, запущенными или запустившими себя с горя, в ряду других, крепко сколоченных и хозяйственно глядевших купеческих домов с высокими воротами и заборами. Уныло кивал им симпатически только каменный дом с полюбившимися колоннами на конце переулка, дом тоже дворянский и значительно более дворянский.⁷²

Купеческий стиль жизни казался более привлекательным, чем тот, который его семья принесла, переселившись с Тверской. Григорьев избражает себя заключенным загнивающего «дворянского» дома, смотрящим через щели в заборе со своего двора и жаждущего присоединиться к играм и кулачным боям мальчишек и молодых парней на Зацепе. С течением времени эти причуды Тверской уступили врожденной живости Замоскворечья. Григорьев вспоминает, как возвращался на прежнее место жительства позже:

Уцелели крепко сколоченные купеческие дома, но отняли колонны у каменного дома, выбелили его и придали ему прилично-истертую наружность новые хозяева, а на место амбиционных дворянских домов в конце переулка выстроились новые чистые купеческие дома.⁷³

Изменения в архитектуре символизировали огромную силу, проявляющуюся не только в Замоскворечье, но и во всей Москве. «Аркадия» дворянской Москвы уступала деловитой основательности и мещанскому комфорту купцов.

Григорьев никогда не описывал западное Замоскворечье, где он жил, когда повзрослел. Он разъясняет это следующей репликой: «Отрочества у меня не было, да не было, собственно, и юности»⁷⁴. Его «Скитальче-

⁷² Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 21.

⁷³ Там же. С. 22. Сейчас на месте дома Григорьева располагается главный офис кондитерской фабрики «Рот-Фронт».

⁷⁴ Там же. С. 6.

ства», таким образом, заканчиваются моментом переезда его семьи в дом на Малой Полянке в приход церкви Преображения Господня в Наливках⁷⁵. Местоположение оказалось пророческим. Известно, что Григорьев злоупотреблял спиртным и скончался от последствий пагубной привычки. По легенде, этот район получил свое название от построенной там в XVII веке церкви на пожертвования от местных трактирщиков, которые скопили эти деньги, наливая своим клиентам меньше, чем положено⁷⁶.

Описания Замоскворечья составляют меньше половины первой части «Скитальчеств», но образ купеческой Москвы проходит и через остальную часть мемуаров. Приводя личные детали из детских воспоминаний и подробно анализируя интеллектуальные течения 1820-х и 1830-х годов, Григорьев демонстрирует созидательное влияние нового образа Москвы. Два примера показывают момент характерного культурного преимущества: домашнее образование (его обучал бывший семинарист) и влияние московского журналиста Н.А. Полевого.

И Достоевский, и Страхов приписывали догматическую непреклонность своей журнальной оппозиции, особенно в отношении Добролюбова и Чернышевского, семинарскому образованию⁷⁷. В своих «Скитальчествах» Григорьев продолжает атаки журнала «Время» на бывших семинаристов как на абстрактных теоретиков и циничных радикалов: «Их же ведь ломали в бурсе, гнули в академии – отчего же и жизнь-то не ломать?» Он оспаривает коренную русскость искусственно навязанного обучения: «Эта обстановка не почвой нашей, не народной жизнью дана»⁷⁸. Хотя он признавал, что его собственное раннее учение проходило «все до самого университета <...> под влиянием семинаристов», московский вариант существенно отличался от петербургского. Его первый учитель подчинялся со своими товарищами-семинаристами «домашней догме», царствовавшей в доме Григорьева; все они были сформированы жизнью в Замоскворечье, и это составило отличие раннего образования Григорье-

⁷⁵ Спаса Преображения в Наливках, перестроенная в 1738 году, раньше располагалась в Первом Спасоналивковском переулке, в конце Малой Полянки, где был дом Григорьева (Москва златоглавая. № 133).

⁷⁶ См.: Лобанов М. Островский. М., 1979. С. 8.

⁷⁷ См., например, статью: *Страхов Н.Н.* Н.А. Добролюбов. (По поводу I тома его сочинений) // *Время*. № 2. 1862; а также дневники Достоевского с 1860 по 1862 по изданию: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 20. М., 1980. С. 154–156.

⁷⁸ *Григорьев А.А.* Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 26.

ва: «Характеристическая особенность этих людей в том, что, в противоположность теоретикам, отрицателям, централизаторам [имеются в виду петербургские семинаристы], они были все почти, и в особенности даровитые из них, страстные поклонники изящного, и другая особенность, что почти никто из них, и в особенности даровитые, не сделали никакой карьеры»⁷⁹. Хотя эти московские семинаристы были менее настойчивыми и менее выдающимися, – как и сам Григорьев, который будет подписывать свои статьи «ненужный человек», – они кажутся ближе к «почве», чем их петербургские соотечественники, живущие позднее, и, следовательно, являются подлинными представителями русской культуры и мысли.

В третьей части «Скитальств» Григорьев анализирует русские «веяния», пронизывающие его детство, проведенное на Болвановке. Для того, чтобы проследить изменение образа Москвы до его истоков в журналистике, он описывает влияние Полевого – критика, историка и редактора, – который первым бросил вызов «аристократам», доминирующим в московской литературе и культуре. То, что Григорьев реабилитирует Полевого, полемично само по себе, поскольку его репутация сильно пострадала от рук Чернышевского и Панаева⁸⁰. Григорьев подчеркивает неаристократическое происхождение Полевого, называя его «купец Полевой» и превращая это из источника для насмешек в особое преимущество. Противников Полевого и его журнала «Московский телеграф» Григорьев описал как «старцев» и «литературную аристократию». Старшее поколение было представлено адмиралом А.С. Шишковым и Н.Д. Иванчиным-Писаревым; «аристократы» состояли из поэтов, группировавшихся вокруг Пушкина, таких как А.А. Дельвиг и П.А. Вяземский, молодых ученых (как С.П. Шевырев и М.П. Погодин) и двух поколений будущих славянофилов: А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, С.Т. Аксакова и М.Н. Загоскина. Эти фигуры, в разной степени охранявшие традиционный образ Москвы, множество раз нападали на Полевого, но Григорьев настаивал, что они не могли сравняться с известным критиком и редактором:

⁷⁹ Там же. С. 27.

⁸⁰ Панаев И.И. Литературные воспоминания. С. 79–81, 256–266; Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 3. М., 1947), С. 23–43. В этих источниках отражены радикальные изменения в идеологических воззрениях Полевого, произошедших после того, как «Московский телеграф» был закрыт властями в 1934 году из-за его присоединения к консервативным и реакционным националистам.

У тогдашнего молодого поколения есть предводитель, есть живой орган, на лету подхватывающий жадно все, что носится в воздухе, даровитый до гениальности самоучка, легко усвояющий, ясно и страстно передающий все веяния жизни, увлекающийся сам и увлекающий за собою других... «Купчишка Полевой», как с пеной у рта зовут его, с одной стороны, бессильные старцы, а с другой – литературные аристократы.⁸¹

Наиболее важно для Григорьева, что оппозиция Полевого по отношению к этим «старцам» и «аристократам» не делала его западником, но и не мешала его восхищению последними европейскими культурными влияниями. Григорьев вспоминает его статьи о Байроне и Гете, его культ Шекспира и Данте, его переводы Гофмана и благоговение перед Гюго, его интерпретации Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля: «Купец Полевой, отзывчивый на все веяния современной ему жизни, был, однако, вовсе не западник, а вполне и в высшей степени русский человек и менее всего отрицатель идей народности». Он был патриотичным москвичом «с фанатической любовью» к ней и «полным историческим знанием» города⁸².

Григорьев даже приписывает «купчишке»-критику и его «плебейскому» «Московскому телеграфу» открытие в журналистике того, что Грибоедов начал в «Горе от ума». Этот процесс был завершён в ранних пьесах Островского, успешно создавших образ московского купечества в литературе, и в собственной григорьевской критике, а также в его «Скитальчествах», которые подкрепили этот образ посредством защиты его права на существование и его анализом в русской журналистике.

«Мои литературные и нравственные скитальчества» по праву занимают значительное место среди классических воспоминаний о русской мысли и культуре. Григорьевская лирическая экспрессивность, его способность к воссозданию атмосферы Москвы 1830-х годов, к изображению влияния событий, произведений, писателей и мыслителей, и, прежде всего, к передаче своей воодушевленности мельчайшей исторической деталью, являются давно признанными. Однако была недооценена роль Григорьева в эволюции литературного образа Москвы; это случилось, возможно, потому что образ сам по себе не получал достаточного изучения. Гораздо больше внимания привлекал образ (или миф) Петер-

⁸¹ Григорьев А.А. Воспоминания / Под редакцией Б.Ф. Егорова. М., 1980. С. 47.

⁸² Там же. С. 48, 52.

бурга в русской литературе. Миф этого города в произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского и Андрея Белого стал общепринятой точкой отсчета в литературных исследованиях. Он также включает культурную топографию, в том числе Коломну, Невский проспект, Сенную, Васильевский остров, не говоря об упоминании многочисленных мостов, каналов и самой Невы. Но миф Москвы также существует, хотя и не считается неотъемлемой частью современной русской литературы. Он реализуется через серию эволюционирующих образов, созданных не только Грибоедовым и Островским, но и позднее Чеховым, Белым, Михаилом Булгаковым, Борисом Пастернаком и другими писателями⁸³. Созданные ими образы, в свою очередь, определили направление изменений в обновляющейся городской культурной топографии. Обозревая этот пейзаж в середине столетия и отображая литературные и нравственные особенности в своих «Скитальчествах», Григорьев устанавливает критерий для оценки дальнейшей эволюции образа Москвы и обозначает последующие сдвиги в его культурной топографии.

⁸³ См., например, *Lilly I.K. Moscow as City and Symbol in Pasternak's «Doctor Zhivago» // Slavic Review. 40. № 2 (Лето 1981). С. 241–250.*